

Н. П. КУХАРЧУК-ХРУЩЕВА

<Из воспоминаний>

Осенью 1922 года получила направление в Юзовку (теперь Донецк) — преподавателем политической экономии в окружную партийную школу. Там я встретила с Никитой Сергеевичем Хрущёвым, который учился на рабочем факультете в Юзовке. В 1924 году мы с ним поженились и дальше работали вместе на Петровском руднике Юзовского округа. Район наш назывался Петрово-Марьинский, он объединял шахты Петровского рудника и сельскохозяйственные угодья Марьинки и прилегающих сёл. Райисполком Совета рабочих и крестьянских депутатов находился в селе Марьинка, а районный комитет партии — на Петровке. Секретарь райкома жил на Петровке, а председатель райисполкома — в Марьинке.

Ещё раньше, в конце 1923 года, меня послали пропагандистом райкома партии на рудник Рутченковка. Здесь жили родители и дети Н. С. (от первой умершей жены), его сестра с семьёй, здесь он работал заместителем управляющего рудоуправлением, отсюда пошёл учиться в Юзовку на рабфак. Я вела занятия с шахтёрами по политической грамоте, читала лекции в клубе на политические темы, выполняла разные поручения райкома по текущей работе. Поселилась я в доме для приезжих (что-то вроде гостиницы рудоуправления) напротив клуба — перейти дорогу. Но после дождя перейти эту дорогу было очень трудно, сапоги оставались в грязи, ноги «выходили» из сапог. Надо было подвязывать сапоги особым способом. Меня пугали перед поездкой на Рутченковку грязью, а сапог у меня не было; пришлось найти частника, который сшил сапоги. Когда я читала лекции в клубе, то приходило много женщин. Оказалось, что их интересовала я как жена их приятеля Никитки Хрущёва: какую он нашёл не на руднике, а на стороне...

Когда Н. С. кончил рабфак, то его послали секретарём Петрово-Марьинского райкома партии, а меня перевели с Рутченковки

на Петровку, тоже пропагандистом райкома. Интересная деталь: пропагандистов оплачивали тогда из центральных фондов, а секретарей райкомов — из местных. Одно время я получала больше, чем Н. С.

Тогда существовала ещё безработица, среди коммунистов-шахтёров тоже. После занятий в политшколе на шахте мои слушатели провожали меня домой и, случалось, упрекали, что я работаю и муж мой работает, а мой собеседник ходит без работы, а дома большая семья... Но постепенно жизнь налаживалась, безработные на шахтах исчезали...

В январе 1924 года умер Ленин. Н. С. ездил в Москву на похороны в составе донецкой делегации. По призыву ЦК много рабочих вступило в партию. Это был ленинский призыв. Работы пропагандистам прибавилось, надо было обучать малограмотных рабочих основам политической грамоты, это было трудно. Приехали новые пропагандисты из Москвы, мобилизованные ЦК из состава окончивших разные вузы студентов.

В конце 1926 года Н. С. перешёл на работу в окружной комитет партии, где стал заведовать организационным отделом, а я поехала в Москву повышать квалификацию — в Коммунистическую академию им. Крупской¹. Здесь я училась на отделении политической экономии до конца 1927 года. По окончании курсов меня направили в Киевскую межокружную партийную школу преподавателем политэкономии. Читать надо было на украинском языке, так как слушателями были подпольщики из Западной Украины.

За год моей учёбы в Москве Н. С. успел поработать в Харькове в ЦК КП(б)У и к осени 1927 года уже работал в Киевском окружном заворготделе (секретарём был г. Н. Демченко, впоследствии невинно репрессирован). Поэтому меня и направили в Киев, хотя очень настаивал товарищ из отдела распределения кадров ЦК, чтобы я поехала в Тюмень.

В Киеве в 1929 году родилась Рада. В том же году Н. С. уехал в Москву в Промышленную академию, а летом 1930 года мы приехали к нему и поселились в общежитии академии на Покровке № 40. У нас было две комнаты в разных концах коридора. В одной спали мы с маленькой Радой, в другой Юля, Лёня и Матрёша — няня, найденная Н. С. к нашему приезду <...>.

* * *

Н. С. не дали окончить Промышленную академию, взяли его на партийную работу — сначала секретарём Бауманского, а затем Краснопресненского райкома партии. Тогда шла жестокая борьба партии с правыми. Н. С. был делегатом XV съезда партии

от Донецкой организации в 1927 году, а в 1930 году — делегатом от Московской парторганизации на XVI партсъезде. К 1932 году Н. С. работал уже секретарём Московского горкома, а затем и обкома партии. В 1934 году он был делегатом XVII съезда ВКП(б) и был избран членом ЦК партии. В 1935 году Л. М. Каганович, бывший до того первым секретарём МГК, уходит на транспорт наркомом, а Н. С. Хрущёва избирают первым секретарём Московской городской партийной организации. Тут он работает до отъезда на Украину в начале 1938 года, куда его направили на должность секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Украины. В Киеве он встретил начало войны в июне 1941 года.

В Москве Н. С. много сил положил на строительство первой очереди метро, набережных Москвы-реки, создание хлебопекарной промышленности (приспосабливали старые круглые помещения. Так требовалось по технологии). Надо было организовать городское хозяйство, бани, туалеты на улицах, электроэнергию для предприятий Москвы и особенно области... Надстраивали малоэтажные здания, чтобы увеличить жилплощадь и многое другое...

В этот период, когда у нас уже была квартира в Доме правительства на Каменном мосту² (4 комнаты), к нам переехали родители Н. С. Тогда продукты распределяли по карточкам. Мой распределитель находился недалеко от завода, а распределитель Н. С. — в теперешнем Комсомольском переулке. Отец Н. С., Сергей Никанорович, ездил в эти распределители за картошкой и за другими продуктами и носил их «на горбу» (на спине), другой возможности не было. Однажды с таким грузом он спрыгнул с трамвая на ходу, да ещё в обратную от хода сторону; хорошо, что не убится насмерть. Он же носил Радочку в ясли на 11-й этаж нашего дома, когда лифт не работал — Рада очень любила дедушку.

Бабушка, Ксения Ивановна, больше сидела в своей комнате или брала табуретку и садилась на улице возле подъезда. Возле неё обязательно собирались люди, которым она что-то рассказывала. Н. С. не одобрял её «сиденья», но мать его не слушала.

Ранней весной 1938 года мы уехали в Киев, и мне пришлось оставить работу; всё, что я делала с этого времени, была работа по поручениям райкома партии. В киевский период я преподавала историю партии в районной партийной школе (при Молотовском райкоме г. Киева), выступала с лекциями, учила на вечерних курсах английский язык. Дети маленькие (трое), часто болели, требовали внимания. <...>

В 1935–1936 годах предприятия работали на непрерывной неделе: пять дней работали, шестой — выходной, по скользящей

шкале. Очень для меня неудобный был режим — никогда не имела выходных вместе с Н. С., он работал с постоянным выходным. Цель непрерывной рабочей недели была хорошая — чтобы оборудование было загружено полностью, чтобы производительность труда росла, чтобы люди меньше уставали. Но не оправдал себя такой порядок, перешли потом на шестидневную рабочую неделю с выходным днём в воскресенье³.

Помню, в те годы секретарём МГК по пропаганде работала Евгения Коган, бывшая жена Куйбышева, помню её дочку, Галю Куйбышеву. Помню, как я огорчалась, когда т. Коган устраивала походы своих товарищей в театры — это было часто — а я не могла пойти вместе с ними, потому что по воскресеньям работала на заводе. И все другие культурные мероприятия, в которых участвовал Н. С., мне были недоступны из-за «непрерывки».

Секретарём парткома на Электrozаводе работал т. Юров, очень энергичный товарищ. Тогда называли друг друга по фамилии, не особенно интересовались семейными делами. Юров не знал и не интересовался, за кем я замужем. Однажды он позвонил поздно вечером нам на квартиру, я подняла трубку, он отрывисто спросил, кто у телефона, я ответила: «Кухарчук», — автоматически. «А ты что там делаешь, я звоню на квартиру т. Хрущёва?» Очень он был поражён тем, что я, оказывается, жена Хрущёва. А вопрос у него был срочный: наши подшефные луга были под угрозой вытравливания военной конницей и необходимо было вмешательство МГК до утра следующего дня. На следующий день он меня допрашивал, как это я сумела скрыть свои семейные отношения с секретарём МГК. Я ответила, что не скрывала, а информировать товарищей на заводе без вопросов с их стороны не считала нужным. Кстати, с помощью МГК удалось защитить подшефные Электrozаводу луга от военной конницы... Тов. Юров впоследствии был невинно репрессирован и погиб.

* * *

Как мои родители познакомились с Никитой Сергеевичем

В 1939 году немцы заняли Польшу и приближались к моим родным местам — селу Василёву. Как известно, наши войска в это время двинулись на запад и заняли районы Западной Украины, город Львов и Западную Белоруссию. Н. С. позвонил мне в Киев и сказал, что моё село Василёв и окружающий район отойдут к немцам и, если я хочу, то могу приехать с оказией во Львов, а оттуда меня отвезут в Василёв, чтобы я смогла забрать своих родителей.

Ещё Н. С. добавил, что организует мою поездку т. Бурмистенко, секретарь ЦК КП(б)У. Тов. Бурмистенко сообщил мне, что по командировке ЦК едут две женщины для работы во Львове и я поеду с ними. Одна, молодая комсомолка, ехала для работы с молодёжью, а вторая, партийный работник, должна была работать среди женщин Львова. Нам велели надеть военную форму и дали револьверы. Было сказано, что мы переодеваемся для удобства, чтобы военные патрули меньше останавливали нас по дороге. Ехали более-менее спокойно, но на дороге недалеко от Львова чуть было не попали под (встречный) грузовик: шофёр грузовика не спал три ночи и заснул за рулём. Пострадала только комсомолка — ударилась переносицей... Довёз нас на своей машине проезжавший мимо командир (проверил документы); девушку отправили сразу в госпиталь на перевязку, а мы вдвоём остались на квартире командования. Командовал войсками Тимошенко Семён Константинович, тогдашний командующий Киевским военным округом, Н. С. Хрущёв находился в войсках как член Военного совета. Когда Н. С. и Тимошенко вернулись домой и увидели нас в военном и с револьверами, они сперва расхохотались, потом Н. С. очень рассердился, велел немедленно переодеться в платья. И продолжал бурно возмущаться: «О чём вы думаете? Собираетесь агитировать местное население за Советскую власть, а сами приходите с револьверами? Кто вам поверит? Им десятилетиями внушали, что мы насильники, а вы с вашими револьверами подтверждаете эту клевету...»

Переоделась и поехала в Василёв за своими родителями. Сопровождал меня Божко Василий Митрофанович, один из бойцов охраны Н. С. Доехали спокойно, нашли хату моих родителей. Отец и мать были дома. Сбежалось много народа посмотреть на меня и узнать новости. Никто не хотел верить, что село отойдёт немцам, не знали этого ещё и младшие командиры в частях. Но мне разрешил т. Тимошенко сказать, почему я приехала за родителями. Ночью во двор отца поставили танк. Всю ночь в хате толпились военные, грелись, мама их кормила, с ними сидел и В. М. Божко. Под утро приехали представители вновь организованной местной власти, чтобы меня арестовать как шпионку и провокатора. Еле их уговорили Божко и танкисты, что они ошибаются. Утром родители мои и брат с семьёй погрузили в полупорку своё имущество и себя, и мы двинулись во Львов. С нами доехал до первой военной комендатуры представитель местной власти. Он хотел что-то узнать поточнее. Но в комендатуре не было ещё никаких сведений о территории, которая по договору отойдёт к немцам.

Привезла я своих родичей во Львов, во дворец воеводы, где квартировал Н. С. Стали они ходить по комнатам, удивлялись

всему. Например, покрутил мой отец водопроводный кран и кричит матери: «Подойди, посмотри, вода льётся из трубы». Все прибежали, смотрели, ахали, только брат Иван Петрович сказал, что он видел водопровод, когда отбывал военную службу.

Когда вошли в комнату т. Тимошенко и Н. С., отец, указывая на Тимошенко, спросил: «Это наш зять?» Но я не заметила, чтобы он разочаровался, узнав, что зять его — Н. С.

Тихие воды

<...> Не помню точно месяца и года, но Н. С. немного успокоился и решил писать воспоминания о своей работе. Он диктовал на магнитофон. Делал он это регулярно по утрам, иногда и днем. Я переписывала с магнитофонной ленты текст. Когда накопилось много страниц, Н. С. передал пленки Сергею, чтобы перепечатала машинистка. Как-то он сидел рядом со мной и наблюдал, как я печатаю на машинке. Моя работа ему не понравилась: я стучу только четырьмя пальцами, а он привык к профессиональным машинисткам в ЦК, которые писали восемью и десятью пальцами, с большой скоростью. Он даже проговорил разочарованно: «Так-то ты пишешь? И когда закончишь работу?» Так пленки с записями воспоминаний Н. С. и страницы с уже напечатанным текстом оказались у Сергея. Я потом пожалела об этом, может быть, с ними не случилось бы того, что произошло. Их просто отобрали на время болезни Никиты Сергеевича в «государственных интересах» и не вернули.

В связи с этим надо рассказать о встречах Н. С. с бывшими товарищами по работе — встречах, которые укоротили его жизнь. К сожалению, не помню чисел, но последовательность хорошо помню. Первая состоялась с А. П. Кириленко. Н. С. долго не возвращался, наконец, приехал, очень возбужденный, и сразу пошел гулять к реке. Я тоже пошла с ним. Долго он ходил молча, а потом заговорил. Кириленко вызывал его для того, чтобы запретить ему писать мемуары, и потребовал сдать в ЦК уже написанное. На это Н. С. ответил, что ему могли бы дать стенографистку, и тогда все его воспоминания оказались бы не только у него, но и в ЦК. Этого сделать не захотели. Отдать материалы он категорически отказался, поскольку они еще нуждались в доработке. Далее Н. С. сказал, что запретить ему писать никто не имеет права, это противоречит Конституции нашего государства. Н. С. напомнил, что царь запрещал Т. Г. Шевченко писать и рисовать, и что из этого получилось? Шевченко читает весь мир, а кто помнит его преследователей? Кроме того, мемуары в нашей стране пишут тысячи людей, им никто не препятствует, а почему ему, Н. С., хотят запретить? Где

логика? Н. С. сказал, что он сорвался, повысил голос... На следующий день Н. С. увезли в больницу в машине «скорой помощи» с тяжелым инфарктом. Он долго лечился, а по возвращении оттуда часами лежал на веранде возле спальни, медленно выздоравливал. Доктор Владимир Григорьевич Беззубик приезжал очень часто. А те недели Н. С. внимательно, даже с любовью смотрел на небо, на сосны, на яблони и цветы в саду...

Однажды я задержалась в Москве дольше обычного и не застала Н. С. на даче. Он приехал через два с лишним часа, попросил раскладной стульчик и сел под сиренью у порога. Я ждала, когда заговорит. Позвали ужинать — отказался. Через некоторое время стал рассказывать. Звонили ему по телефону из аппарата Пельше. Пельше сказал, что за рубежом напечатана книга мемуаров Н. С. Хрущева. Как туда попали его мемуары? Кому Н. С. их передавал? Он ответил, что никому свои записи не передавал — ни у нас, ни за рубеж, они еще не приведены в такой вид, чтобы их можно было передавать в печать, он и не передал бы их никогда за рубеж... Пельше спросил, что же это значит? Книга — фальшивая? Как нам выйти из этого положения? Надо опубликовать опровержение... Н. С. согласился. Пельше сочинил текст, Н. С. отверг его и написал свой вариант, который и был опубликован в «Правде». Там было сказано, что мемуары не были переданы в печать ни у нас в стране, ни за границу. Пельше настаивал, чтобы Н. С. вставил фразу о том, что он не пишет и не писал никаких мемуаров. Н. С. не согласился, и опровержение пошло в печать без этой фразы. Визит к Пельше также закончился инфарктом.

Н. С. выздоровел, но не оправился от болезни, долго чувствовал слабость. Диктовать он перестал. В один из дней первой недели сентября (1971 г.), 5-го или 6-го числа, Н. С. вернулся от Рады. Пошел гулять после обеда, понес стульчик с собой, но скоро вернулся. Ночью у него болело сердце, я дала ему нужные лекарства, боль прекратилась, он уснул. Утром встал, умылся, и опять заболело сердце. Приехал доктор Беззубик с сестрой, сделали укол, увезли в больницу с третьим инфарктом. Н. С. настоял, чтобы ехать сидя, может быть, это ухудшило его состояние. В больнице сам шел по коридору, в палате долго разговаривал с персоналом, а ночью стало ему плохо, и 11 сентября Н. С. ушел из жизни. <...>

